

186028

ЭДВИН ВУДХОЛЛ

**РАЗВЕДЧИКИ
МИРОВОЙ
ВОЙНЫ**

ВОЕНИЗДАТ • 1938

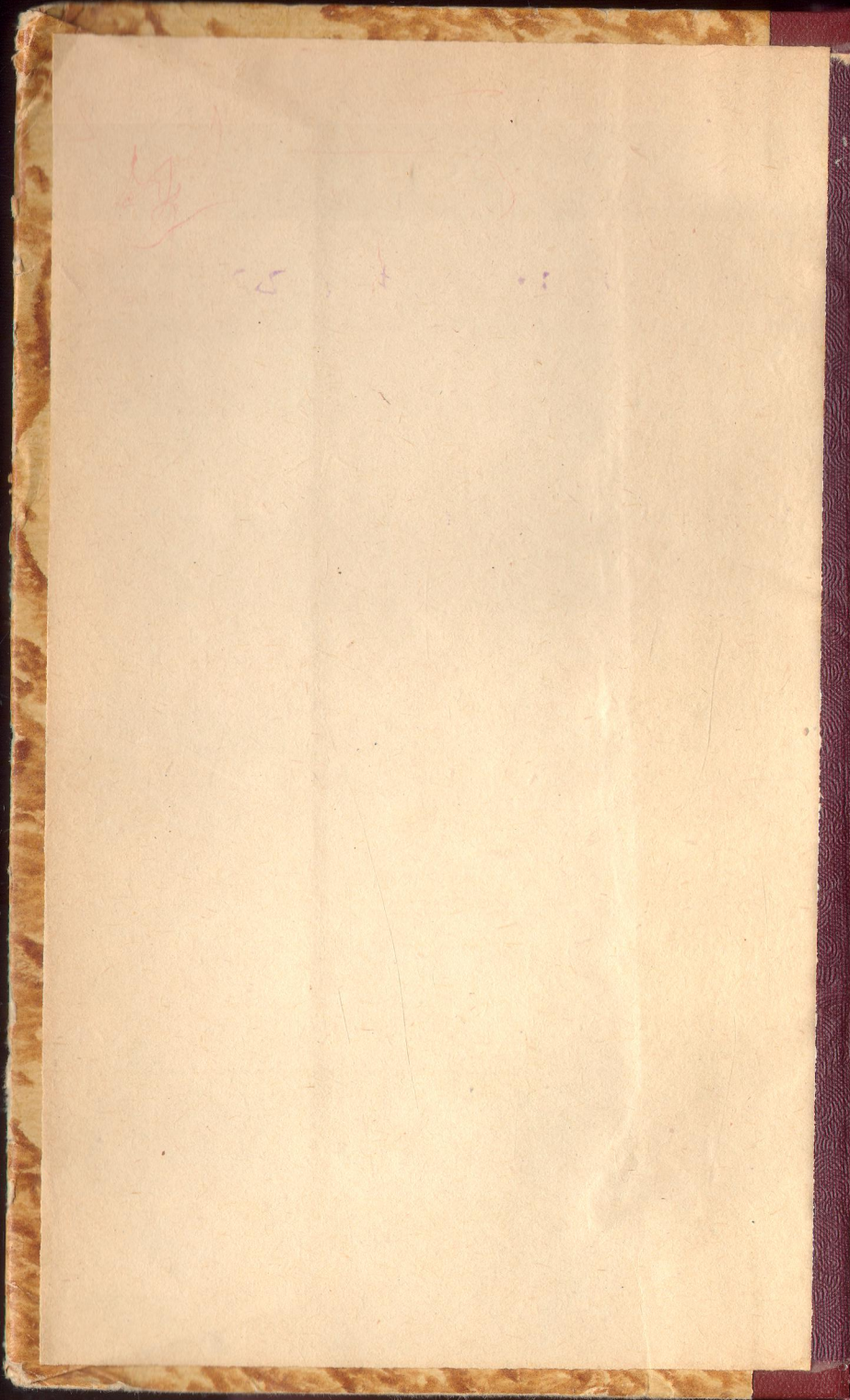
V. N. KARAZIN N. I. ILLIUSKAYA ACADEMIC LIBRARY

00249936

5

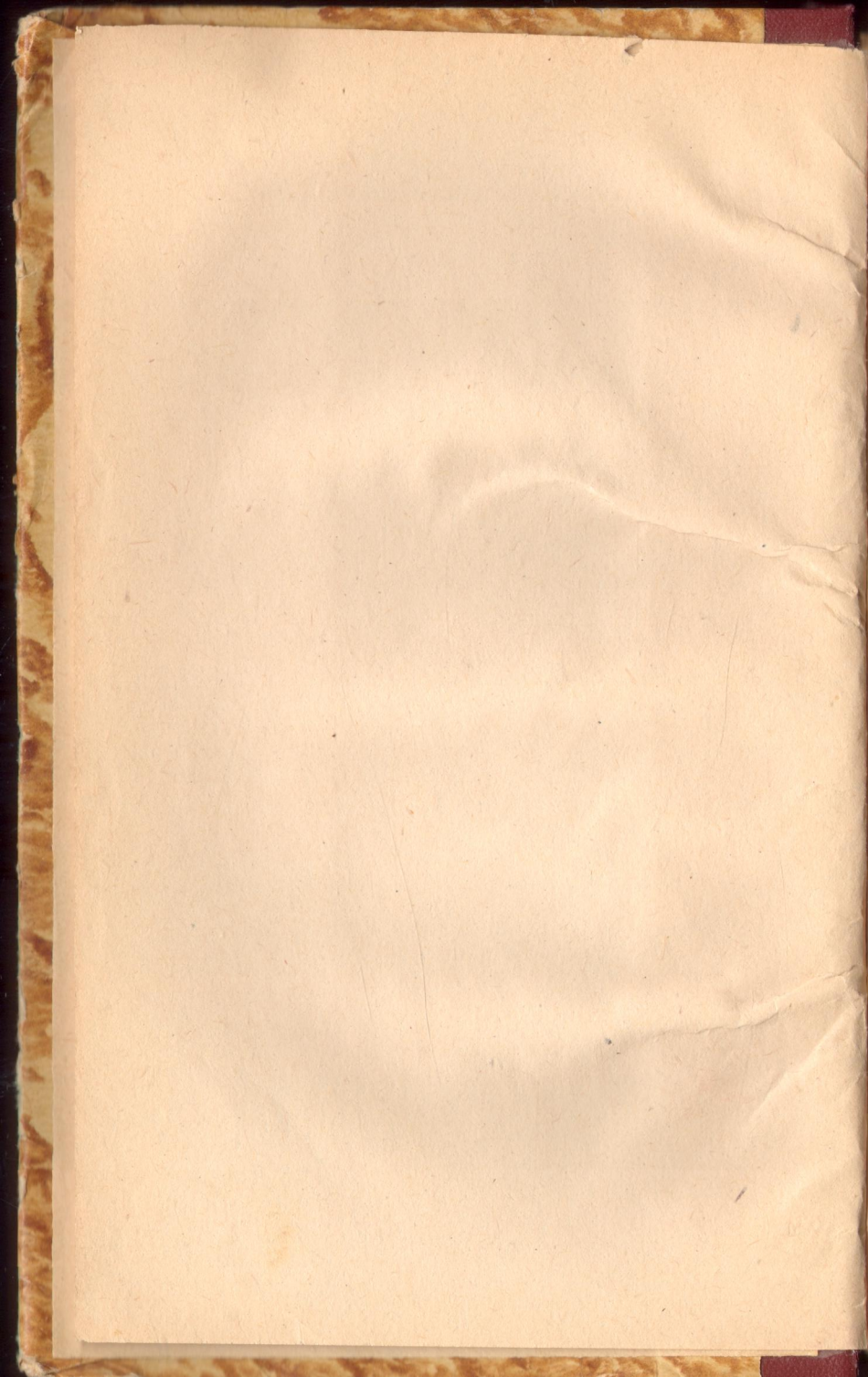

ЦНБ ХНУ
Дата повернення:

04 ЯНВ 2003

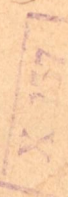

ЭДВИН ВУДХОЛЛ

РАЗВЕДЧИКИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

и др.
м...

82 ✓

Государственное Военное Издательство
Наркомата Обороны Союза ССР
Москва — 1938

58

Эдвин Вудхолл. Разведчики мировой войны. Перевод с английского.

Книга содержит обширный материал, рисующий методы и приемы шпионской работы Германии, Англии и Франции в империалистическую войну 1914 — 1918 годов.

Книга предназначена для массового читателя.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В ряду книг, вышедших в последние годы за границей на тему о разведывательной и контрразведывательной работе, труд Вудхолла отличается значительным уклоном в сторону приключенчества и романтизма.

Он популяризирует авантюристические «прелести» агентурной работы и пытается создать авторитет английской разведке. И это не случайно.

Готовясь к новой войне, разведки капиталистических стран заинтересованы в широком привлечении свежих кадров для шпионско-диверсионной работы. Этим и объясняется то обстоятельство, что, выполняя задание своих хозяев, Вудхолл делает особый упор на яркое изложение авантюристической стороны шпионажа и диверсий, могущей захватить воображение людей с авантюристическим складом характера.

Боязнь автора переступить границу «запретного» отчетливо проступает в конце книги, где Вудхолл пишет о том, что «послевоенные разведчики меня не интересуют. Эта отрасль шпионажа не входит в сферу этой книги». Мы можем добавить, что эта тема вообще не входит в задачи подобных изданий, выпущенных в послевоенное время за границей. Буржуазия всех стран старательно обходит эту «особую отрасль», могущую пролить свет на кровавые ее замыслы, и оттолкнуть своей чудовищностью и гнусностью.

Красной нитью во всей работе Вудхолла проходит желание выставить деятельность английской разведки в ореоле мнимого благородства, честности, героизма. Автор старательно обходит все «теневые стороны» шпионажа, присущие разведкам всех капиталистических стран.

Наряду с этим автор, претендуя на фиксацию опыта лично своего и других по работе в разведках, в действительности в значительной мере касается деятельности только контрразведки. Тем самым Вудхолл смешивает работу двух различных систем: «Интеллидженс-Сервис», учреждения, объединявшего в своих руках все виды разведки (политической, военной и морской), с работой «Особого отдела Скотленд-Ярда» (где работал автор), ведавшего военной контрразведкой. Нужно отметить, что все английские работы по вопросам шпионажа страдают такой «неясностью». У автора эта последняя достигается

еще и путем полного смешения самых терминов — военная «разведка» (добывание сведений о противнике) и «контрразведка» (борьба с иностранным шпионажем). Делается это не без основания. Английская буржуазия всеми силами стремится скрыть деятельность своих глубоко законспирированных разведывательных органов, щупальцы которых раскинуты по всему миру. В то же время приподнимается завеса над успехами работающей более или менее легально военной контрразведки с обязательным описанием «героических» походов ее агентов.

Имеется ряд неправильных и наивных «разъяснений» по таким вопросам, как вопрос о причинах проигрыша Германией войны 1914—1918 гг. (стр. 12), о неудаче Дарданельской операции союзников (стр. 31) и др., автор допускает и преувеличенную оценку достоинств германской стратегии (в частности, и стратегии бездарного Мольте, стр. 134). Без достаточных оснований превозносятся Вудхоллом также и шпионские «таланты» немецких разведчиков вроде Карла Лоды Мюллера, тогда как, например, шеф Вудхолла Б. Томсон расценивает их как шпионов «самого низкого качества», которые «почти ничего не давали в военном отношении».

Однако, несмотря на упомянутые существенные недостатки, работа Вудхолла заслуживает определенного интереса и способствует дальнейшему ознакомлению с деятельностью разведки и контрразведки в эпоху минувшей империалистической войны.

ГЛАВА I

МОЯ РАБОТА В РАЗВЕДКЕ

Что такое разведка? В мирное время она как будто бы и не существует. Официальные лица всегда вежливо утверждают, что им ничего не известно о ее существовании. Но когда тучи войны надвигаются над горизонтом, тогда разведка становится реальным, грозным и страшным фактором.

Британская разведка, полностью сознавая растущую опасность войны и иностранного шпионажа в своей собственной стране, работала со всем напряжением и серьезностью уже в 1910 году, когда я поступил в столичную полицию, в Скотленд-Ярд, и впервые пришел в соприкосновение со шпионским подпольем.

Официально ни Великобритания, ни Германия не признавали, что пользуются для своих целей сильной и активной системой шпионажа. Но английские власти знали, что Германия имеет мощную шпионскую сеть в нашей стране. Германия в свою очередь знала об этой осведомленности наших властей. Но насколько полно и точно была известна нам деятельность германской шпионской сети, — этого разведка наших бывших врагов никогда не могла установить.

До войны наши крупнейшие центры насчитывали около 250 тысяч немецкого населения. В одном только Лондоне было около 75 тысяч немцев. С внешней стороны они вели себя безупречно и составляли наиболее высоко организованную иностранную колонию в Великобритании. Именно в довоенном Лондоне существовала самая крупная и самая богатая немецкая колония. Однако, как ни безобидна была она по внешнему виду, британская разведка вела за ней неустанное и зоркое наблюдение.

То были дни небывалого оживления в веселых ресторанах и тивных на Тотенхем Коурт Род, на Чертлот-стрит, примыкающих к Сохо и населенных преимущественно представителями средних классов немецкой колонии.

Немецкий колонист, работающий в качестве повара или посыльного гостиницы в квартале Блумзбери, часто встречался по вечерам со своими земляками в кафе и в универмагах.

Другая группа немцев, более богатая и более влиятельная, жила в аристократическом квартале Реджент-стрит. Оксфорд-стрит и район около цирка Пикадилли всегда кишели агентами германской разведки.

Кафе Одеэнино, Рояль и Монико были излюбленными местами свиданий немецких шпионов и находились под постоянным тайным надзором Скотлэнд Ярда. В этих божемных притонах собирались немцы свободных профессий — торговцы, художники, музыканты, огромное большинство которых, по сведениям Особого отдела, было запасными офицерами германской императорской армии и флота.

В часы досуга я приходил в кафе Рояль, где неоднократно видел некоторых агентов германской разведки, которые оперировали в нашей стране. Это были с виду спокойные, скромно державшиеся люди, и было трудно представить, что они действовали по секретным заданиям, получаемым из Берлина.

В кафе я впервые увидел лейтенанта Отто Граца, которого непосвященные обычно называли Штейнгауэр. Он был наиболее блестящим сотрудником германской разведки того времени. В Скотлэнд Ярде мы его знали как способного, опытного шпиона и как главного руководителя германской военной и морской разведок.

В те же дни Скотлэнд Ярд сильно заинтересовался невинными с виду молодыми дамами и мужчинами, посещавшими кафе. Они подозревались как разведчики, но в то время нельзя было предъявить им какие-либо конкретные обвинения, так как закон об иностранцах и закон о государственных секретах еще не применялись со всей строгостью.

Однако мы их не выпускали из-под наблюдения, и когда наступило время действовать, свыше полсотни неприятельских агентов, к их большому изумлению, были схвачены и интернированы. Они рассчитывали видимо на иммунитет против всякого разоблачения, слабо представляя себе, что каждый член их шпионской организации состоял у нас в Англии на строгом учете и был предметом слежки в течение многих месяцев до начала войны.

В какой мере Скотлэнд Ярд удалось окружить германских разведчиков, об этом можно судить по высказываниям одного бывшего неприятельского офицера в его книге «Шпионаж».

«В общем и целом, — говорит этот хорошо известный агент разведки, — английская разведка нанесла германской жесточайший удар в первые дни возникновения войны. Нам известно теперь, что даже до войны британские власти знали массу подробностей о главных германских разведчиках в Англии, хотя мы не знаем, кто выдал этих людей. До начала войны эти агенты были оставлены в абсолютном покое, и они поверили в свою безопасность и неприкосновенность. Однако в течение каких-нибудь нескольких часов после начала войны их схватили и заключили в тюрьму. Около 20 человек было тогда арестовано (уточняя: свыше 50. — Э. В.). Это было серьезным ударом, так как сведения из Англии были особенно важны. Вскоре после начала войны был арестован чрезвычайно важный член германской разведки. Это — морской офицер Карл Ганс Лоди. Его расстреляли у башни...»

Британская разведка была несравненно действеннее любой другой разведки Европы. Правда, Великобритания обращала больше внимания на «дипломатическую» разведку, чем на чисто военные и морские дела. И такая тактика вполне себя оправдывала. Например, для морского министерства было гораздо важнее узнать, что в Берлине между турецким министром и германским министром иностранных дел имели место такие-то разговоры, чем узнать, что германское морское ведомство ввело некоторые технические улучшения в конструкцию подводных лодок.

Что касается нашей морской и военной разведок, то существовало сравнительно мало важных сведений, которыми бы мы не располагали. Мы знали, что в случае нужды германцы могут мобилизовать 5 миллионов человек и попытаются раздавить Францию. Мы также прекрасно знали, что наш флот мог состязаться с любым флотом мира.

Когда наша контрразведка завязала серьезную борьбу с германским шпионажем, работа в Скотлэнд Ярде приняла совсем другой вид. Работники Особого отдела, которые были определенным символом власти, использовали ее с большой секретностью. Мы работали по плану уголовного розыска. Мы занимались расследованием всевозможных дел и не скрывали своей деятельности. Для внешнего мира мы были полицейскими чиновниками, которых знали все неприятельские агенты. Они на нас смотрели как на простых чиновников и не подозревали, что мы являемся отделом разведки.

В 1914 году германские тайные агенты предполагали, что они были преданы одним из своих. Я могу теперь в первый

раз точно указать, каким образом удалось Особому отделу Скотленд Ярда «накрыть» этих способных и опасных разведчиков. Слабость германской разведки в Англии была результатом тевтонской любви к стандартизированной организации. Если бы германцы лучше оплачивали своих агентов и предоставляли им немного больше личной инициативы, то нам было бы безусловно труднее проникнуть в их шпионскую сеть.

Мы раскрыли разветвления германской разведывательной системы с помощью факторов, на которые когда-то указал знаменитый французский криминолог Бертильон, как на предпосылки успеха уголовных розысков: 50% потения, 10% вдохновения и 40% везения.

После смерти Эдуарда VII представители почти всех стран мира приехали в Лондон на похороны. Одной из наиболее выдающихся фигур был кайзер Вильгельм II. Он имел с собой значительный штат офицеров, конюхов и охраны, в том числе одного человека, которого мы знали как очень активного работника разведки. Я его буду называть граф Х. На его взаимоотношения с представителями германской колонии в Лондоне обращалось внимание и раньше. Граф Х. блестящий, превосходный лингвист, был видным представителем непосредственного окружения кайзера. Наблюдение за ним требовало бесконечно много такта и сдержанности.

После королевских похорон значительное число германских офицеров отправилось осматривать достопримечательности Лондона. Однако граф Х. не пошел со своими коллегами-офицерами. У одной конторы на улице Черинг-Крос Род он подцепил некоего человека, которого мы давно подозревали в шпионаже, и, не подозревая, что три опытных чиновника следили за каждым его шагом, некоторое время беседовал с ним. Затем граф Х. прошелся по всем лондонским мостам и наблюдал за движением войск у казарм. Он нанес визит Вульвическому арсеналу и всем конечным пунктам лондонского трамвая. В 7 часов вечера он закончил обход «достопримечательностей» и встретился со своим подозрительным другом около кафе Рояль.

На протяжении всего этого длинного, сложного маршрута с графа Х. не сводили глаз три человека.

Наконец, фигура Х. скрылась в здании гостиницы.

Работники Особого отдела решили ждать выхода графа из гостиницы до 12 часов ночи. Агенты распределили между собой посты: один стерег у заднего подъезда гостиницы, а два других выбрали подходящие пункты, откуда они могли наб

людать, сами оставаясь незамеченными. После долгого и томительного ожидания агент, стоявший у черного подъезда гостиницы, переодетый и притаившийся, заметил, как граф украдкой проскользнул мимо него и быстро вскочил в проходящее такси. Агент стремительно бросился к своим товарищам и подал условленный сигнал.

Тройка наблюдателей наняла такси, но за это время отслеживаемый оказался уже довольно далеко и скрылся в водовороте уличного движения. Однако агентам снова повезло, так как у Кембриджского цирка образовался затор и они догнали свою добычу. На одной из улиц граф вышел из автомобиля, и преследователи заметили, что он вошел в парикмахерскую. Для стрижки или бритья час казался довольно-таки неурочным, и работники Скотленд Ярда стали наблюдать за выходами из парикмахерской. Граф Х. пробыл в парикмахерской свыше часа и около полуночи вышел через боковую дверь. Граф проворно пошел по бесконечно длинной Каледонской улице, преследуемый по пятам агентами. К их досаде, он вскоре сел в проезжавшее такси. Но счастье пришло им на помощь и в этот раз. Один из преследователей заметил, что из только что остановившегося такси выходит пассажир. Агенты заняли его место и продолжали слежку. Граф Х. вернулся в гостиницу.

На следующий день рано утром были получены инструкции: власти не намерены были возбуждать какое-либо дело. Дальнейший надзор стал бесполезным. Граф на следующий день получил разрешение вернуться в Берлин со своим коронованным хозяином, ничего не зная о том, что он был предметом тщательного наблюдения.

Тем не менее отслеживание, произведенное работниками Особого отдела, имело чрезвычайно важные последствия, которые тогда никто из нас не мог предвидеть. Скромная маленькая парикмахерская на Каледонской улице была лондонским отделением берлинской разведки. Ее владелец, немец, родившийся в Англии, был способным посредником германской шпионской сети. Он имел постоянную контору и был в деловых сношениях с континентом. Это подсобное ремесло служило ему прикрытием. Каждую неделю в адрес парикмахерской приходило с полсотни писем. Во внешних конвертах содержались другие, закрытые внутренние конверты, в которых находились распоряжения для различных разведчиков, оперировавших в разных частях Англии. На наружном конверте была германская почтовая марка, печать и название какой-нибудь невинной фирмы. Работа парикмахер-

ской заключалась в том, чтобы наклеивать английские марки на внутренних конвертах и опускать их в Лондоне в почтовый ящик. Письма таким образом направлялись во все стратегические пункты страны, большей частью в портовые города.

Теперь каждое секретное письмо, направленное ее агентом, вскрывалось и прочитывалось задолго до того, как попадало в руки «парикмахера» на Каледонской улице. Письма списывались и фотографировались. Неудивительно, что впоследствии берлинская разведка была потрясена нашей осведомленностью.

В 1913 году в Дувре военные власти арестовали одного человека по обвинению в фотографировании некоторых фортификационных сооружений и гавани. Арестованный страстно протестовал против, как он называл, произвольных действий военных, утверждая, что он обыкновенный турист и снимал виды просто на память. Он допускал, что поступил, может быть, неосторожно, но, дескать, не имел ни малейшего намерения совершить какое-либо преступление. Негодующий турист дал свой лондонский адрес. Очевидно, военные власти поддались его шумным увещаниям и заверениям и отпустили его.

В это время были получены интересные сведения относительно передвижений одного выдающегося агента германской разведки. И до этого мы знали, что он находится где-то в Англии. Разведчик был известен как один из наиболее опасных и наиболее скользких экземпляров этой угреподобной братии.

В Лондон было немедленно послано распоряжение взять «туриста» под наблюдение и ожидать дальнейших инструкций. Адрес, данный им, оказался ложным. Я знал, что попал на след способного разведчика. После моего доклада в Скотланд-Ярде я получил распоряжение найти и доставить немецкого шпиона.

Прежде всего я направился в маленький магазин, расположенный в Сохо. Известно, что в каждом лагере имеются изменники. Одного из них я нашел и в лагере немецкого шпионажа. Я дал этому субъекту описание недавно задержанного туриста, и мой информатор согласился, что это и есть разыскиваемый нами мастер-разведчик. Новообетенный помощник дал мне адрес, и я поехал по данному адресу на такси.

Нетрудно представить мое разочарование, когда, приехав на место назначения, я узнал, что нужный мне человек выехал пять минут назад. Дальнейшее осторожное расследование

дало мне в руки нить, которая привела меня в Западный Кройдон. Туда я отправился поездом. На станции я почему-то взглянул на только что остановившуюся пролетку извозчика. С экипажа сошел седок. Было темно, но я заметил, что у него большая черная борода и усы и что он носит роговые очки.

Было ли это интуицией или тем, что мы называем особым везением, но что-то таинственное и подозрительное, чувствовавшееся в этом бородатом иностранце, навело меня на мысль о том, что он является именно тем разведчиком, которого я ищу. Я колебался в течение одной или двух минут. Я уже прошел было около 20 метров, когда внезапно решил взяться за бородача; но кто колеблется, тот проигрывает. Когда я бросился назад к станции, то с огорчением увидел хвост поезда, исчезавшего во мраке ночи и увозившего (хотя в ту пору я в этом не был уверен) знаменитого капитана Штейнгауэра. Мною была упущена прекрасная возможность арестовать опытного шпиона германской разведки.

Не унывая, я нашел дом, где он останавливался. Это меня привело к одному адресу в Боуэс-парке. Я снова помчался, раздосадованный тем, что дал себя обмануть таким дешевым театральным реквизитом, как привязные борода и усы. По указанному адресу в Боуэс-парке проживал немец. Однако он производил впечатление такого безукоризненно честного человека, что мы ни в чем не могли его обвинить. Он отрицал всякое знакомство с преследуемым разведчиком и торжественно уверял, что не имеет с ним никакой связи.

И опять мне оставался только метод наблюдения — скучный и длительный процесс.

Выслеживание в густо населенной части города является самым простым делом. Гораздо труднее проводить слежку в пригороде с частными дачами, где все иностранцы на учете. Два дня спустя немец заявил полиции, что подозрительные личности постоянно наблюдают за его домом. Наблюдение было прервано, тем более что мы получили сведения об отъезде преследуемого разведчика на континент. Я не знаю, по какому маршруту он уехал. Конечно, он проскользнул мимо нашей сети. Велика была досада Скотлэнд Ярда, когда мы узнали от наших собственных разведчиков в Германии, что простодушный турист, открыто делавший снимки, не кто иной, как тот самый человек, которого я выпустил из рук, — знаменитый Отто Грац, он же Штейнгауэр, глава германской разведки и личный друг кайзера.

ГЛАВА II

ТАЙНОЕ ОТПРАВЛЕНИЕ БРИТАНСКОГО ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА

Франко-бельгийская граница была источником постоянного беспокойства германского генштаба еще задолго до мировой войны.

Чего оперативный отдел германского генштаба никогда не мог выяснить, это — какую тактику будут применять англичане, когда они очутятся лицом к лицу с немцами как с врагами.

Генштаб предполагал, что, как только начнется война, мы выставим на театре военных действий десять дивизий. На самом же деле у нас их было только четыре.

Наша тактика сводилась к одному: тайна. Мы скрывали численность наших сил.

Два обстоятельства способствовали поражению Германии в этой войне и изменили ход истории мира в знаменательный день 23 августа 1914 года. Во-первых, тайное отправление британского экспедиционного корпуса и незнание германской разведкой его численности; во-вторых, незнание или пренебрежительное отношение немцев к нашему стрелковому искусству, с помощью которого мы произвели такое опустошающее действие среди германских войск, продвигавшихся массивными колоннами.

Покойный Артур Конандойль писал в своей официальной истории войны следующее:

«Основная масса британского экспедиционного корпуса переместилась во Францию под покровом ночной темноты 10 и 13 августа 1914 года. Корпус состоял из четырех дивизий пехоты, одной дивизии кавалерии; надо было перевезти около 90 тысяч человек, 15 тысяч лошадей и 400 пушек. Сомневаюсь, чтобы военная история знала еще один случай передвижения столь огромных масс в такие короткие сроки.

В стремительности этого передвижения была и драматичность и тайна. Две стены из парусов, образующие тоннель, скрывали подступы к Саутгэмптонским докам. Снаружи царствовали мрак и тайна. По этому тоннелю прошла лучшая часть молодежи, цвет мужского населения Великобритании; близкие и родные больше их не увидели. Их отправили для первого сражения великой войны. На улицах толпа видела последние сомкнутые ряды, которые исчезали во мраке доков.

Большие пароходы отплыли и скрылись в ночной мгле.

Воображение может сравнить эти полки с древними римскими легионами. Никогда еще такие прекрасные по своей технической оснащенности войска не покидали берегов Великобритании. Не будет преувеличением сказать, что в течение четырех месяцев половина из них была либо убита, либо прикована к госпитальным койкам».

Нашествие на Францию через Бельгию в 1914 году было предприятием, давно задуманным графом Шлиффеном, и было известно британской разведке под названием «план Шлиффена». Мы знали, что если когда-либо Германия нападет на Францию, то сделает это путем вторжения в Бельгию, путем нарушения ее нейтралитета.

Французский военный план, известный под названием «план 17», состоял в том, чтобы раздавить неприятеля вдоль франко-германской границы — от восточных границ до Эльзас-Лотарингии. Этот план был, очевидно, разработан в условиях отсутствия сведений о силах неприятеля и их расположении.

План британского генерального штаба был неизвестен. Это был один из наиболее хорошо хранившихся секретов войны. Четыре года спустя реализация этого плана привела, по выражению Людендорфа, «ко дню траура для германской армии».

Британский экспедиционный корпус уже высадился, а немцы ничего не знали ни о его численности, ни о его расположении, ни о его операционной базе. Они обращались к своей контрразведке с отчаянными заклинаниями — дать им необходимые сведения относительно английской армии. Тем временем убийственный свинцовый град наших скорострельных винтовок опустошал густые наступающие колонны германцев и на несколько часов, решивших исход наступления, задержал первую армию Клука.

Положение германской разведки было неважное. Все германские разведчики, которые должны были доставлять информацию из Англии, находились в тюрьме; штаб Клука тогда еще этого не знал. Провал шпионов в Англии парализовал военную инициативу Германии.

Первые определенные сведения об участии Англии в войне немцы получили 22 августа, когда они захватили в плен двух наших летчиков.

ГЛАВА III

ПОЗАДИ ГЕРМАНСКИХ ЛИНИЙ

Нужно помнить, что не только военная контрразведка снабжала командование полезными сведениями с обеих сторон. Было много людей, которые из любви к приключениям или из чувства горячего патриотизма каждый день рисковали своей жизнью, выполняя опасные поручения. Таким был капитан Рауль Дюваль.

Он был в разведке в Морнальском лесу, когда неожиданно увидел автомобиль, а в нем — германского высшего офицера, потерявшего дорогу. Дюваль тут же приступил к делу. Держа в руке револьвер, один, без чьей-либо помощи, он разоружил шофера и седока и стал обыскивать офицера, желая завладеть документами. Смелому французу повезло, так как немецкий офицер был сотрудником личного штаба самого Клука. Капитан взял у пленника папку с документами.

Прострелив шины германского автомобиля, Дюваль поспешно направился назад, к маленькой лесной тропинке, где был им оставлен мотоцикл. Он нажал ногой пусковую педаль, но мотор безмолвствовал. С ужасом Дюваль увидел, что бензиновый бак пуст, — все горючее вытекло. В этот момент он заметил направляющийся к нему большой патруль немецких уланов. Началась перестрелка. Дюваль юркнул в густую лесную чащу у поворота и побежал, ища спасения.

Вдруг он увидел спешившегося улана, повидимому, одного из многих, которые рассеялись по окрестности, чтобы отрезать ему дорогу к бегству. Этот человек стоял спиной к Дювалю. С индейской осторожностью капитан пополз к ничего не подозревавшему улану, уменьшая шаг за шагом расстояние до тех пор, пока не приблизился к немцу вплотную.

Улан вдруг повернулся. Восклицание удивления вырвалось у него, когда он увидел французского офицера. Дюваль спустил курок своего револьвера; пуля попала улану в голову. Дюваль забрал у своей жертвы черный плащ и шлем и стал искать кругом лошадь, но безуспешно. Когда совсем стемнело, Дюваль прошел с полмили и очутился около бивуака, где находилось до 50 разыскивавших его уланов.

Дюваль выпрямился и смело побежал к уланам, приготовившись ко всякой случайности.

Он закричал на чистом немецком языке:

— Ребята, я его нашел. Он здесь только что прошел.

Тотчас же все уланы устремились к своим лошадям. В поднявшейся суматохе Дюваль подошел к великолепной каштановой лошади и одним прыжком очутился в седле. Огромный улан бросился за ним с проклятиями. Дюваль ударил его в челюсть. Солдат свалился. Капитан помчался вперед к открытой прогалине.

Около полуночи один из наших передовых постов окликнул всадника, мчавшегося галопом. Покрытый пылью и грязью, без головного убора, этот кавалерист от усталости едва держался на лошади; на окрик часового он ответил: «друг». Всадник попросил, чтобы его допустили к английскому командиру. Это был капитан Дюваль.

Возможно, что содержание документов, взятых у германского офицера этим французским капитаном, имело влияние на исторические события в августе 1914 года. Кто знает? Битвы нередко проигрывались и выигрывались из-за совершенно случайных причин. История изобилует такими примерами.

* * *

Германия угрожала, что она будет рассматривать как разведчика и расстреливать всякого союзного солдата, захваченного за линией фронта.

Когда французская армия 25 августа 1914 года отступила из большого Арденского леса, около 400 человек было затеряно или забыто в лесных массивах. Патрули, удалившиеся от своих постов, отставшие, потерявшие ориентировку, часовые, которых не успели сменить, всадники, которые заехали слишком далеко, эскадроны и даже целые отряды оказались отрезанными от своих главных сил.

Окруженные немцами, они были поставлены вне закона и рисковали в случае поимки быть расстрелянными как разведчики. Большая часть из них принадлежала к 25-му полку французской армии.

Капитан Кольберт с организованным им небольшим отрядом предпринял решительную и неутомимую партизанскую войну против германских коммуникационных линий. Удары, наносимые партизанами, стали настолько чувствительны для немцев, что свыше 7 тысяч солдат ландвера были посланы искать партизанский отряд по тропинкам, прогалинам, крутым откосам, непроницаемым чащам и еле заметным дорожкам леса. Но все было бесполезно. Кольберт и его люди знали каждую пядь этого обширного леса и без труда скрывались от преследований.

В ноябре 1914 года французский генштаб получил сведения о том, что позади германских линий действуют французские партизаны.

Глава контрразведки первого французского корпуса затребовал сведения о численности и расположении войск германского фронта. Был предложен такой план: посадить человека с самолета позади неприятельских линий; потом, как только разведчик узнает все, что сможет, он ночью самостоятельно проберется обратно. Два добровольца, один из них летчик, изъявили свою готовность выполнить опасное поручение. Это были летчик Биллиард и сержант французской артиллерии Бартело. В одно прекрасное утро на рассвете они вылетели. Биллиард вернулся, благополучно высадив своего пассажира на неприятельской территории.

Перед Бартело стояла серьезная задача — найти Кольберта и передать ему инструкции. Содержание их заключалось в том, чтобы привести в исполнение следующий отчаянный план: найти германский генеральный штаб около Шарлевилья в Арденнах; улучив момент, взять его приступом силами партизанского отряда и уничтожить; по выполнении этой задачи разойтись и стараться добраться до голландской границы.

К сожалению, этот смелый план не мог быть выполнен, так как Кольберт попал во вражеские руки. Однако Бартело и многие французские партизаны пробрались через неприятельские линии до голландской границы.

Теперь я расскажу о битве на Марне.

В этом сражении разведка развила особо высокую активность. Хитрость, маскировка, распространение слухов, обман, интриги, шпионаж — все было пущено в ход. Получить информацию, с тем чтобы помешать и расстроить планы врага, — такова была цель, которую преследовала союзная контрразведка.

Франция и Бельгия несли огромные потери. Неприятельские полчища катились неумолимой лавиной, несмотря на героическое сопротивление союзников. Это угрожало полным уничтожением британского экспедиционного корпуса и разгромом французской армии.

Немцы были близки к своей цели не один, а два раза, но они все же не достигли ее, из-за того что не располагали правильной информацией.

Возьмем, например, битву под Ле-Като. После решительного отпора Клок был еще раз совершенно сбит с толку. Больше того, этот бесспорно крупный военный мастер не только был озадачен, но попросту одурачен.

Как это могло случиться? Ведь так широко было распространено мнение, что немецкая разведка — самая проницательная в мире.

Объясняется все это чрезвычайно просто. Если бы Крук продолжал свое наступление на второй корпус у Ле-Като, то ничто не могло бы противостоять сокрушающему натиску его колоссальных по своей численности сил. Но он остановился и таким образом потерял первую возможность, которую имела Германия для выигрыша сражения.

В то время в контрразведке британского экспедиционного корпуса работал капитан Бертран Стюарт.

Многим читателям это имя знакомо. Он был одним из британских офицеров, еще до войны арестованных в Германии по обвинению в шпионаже. Уличенный в шпионаже, Стюарт был приговорен к тюремному заключению, но впоследствии, незадолго до войны, помилован кайзером. Стюарту было поручено следить за германской контрразведкой. Он разными способами фабриковал «инспирированные сообщения», посылаемые контрразведке Клука.

Одного агента, состоявшего у нас на службе, Стюарт по интуиции считал немецким шпионом. Однажды он «по секрету» сообщил ему, что базой и портом для высадки британских подкреплений является Калэ и что наши коммуникационные линии проходят через Лилль и Камбрэ. На самом же деле в то время они проходили через Гавр. Эта «тайная информация» была, конечно, передана Клуку, который, основываясь на ней и учитывая, что его армия находится на линии Лилль — Камбрэ, разработал свой стратегический план. Рассчитав, что если он даст сражение у Ле-Като, то англичане будут отрезаны от своих баз, Крук стал растягивать правый фланг немецкой армии к северу, с тем чтобы помешать англичанам притти в соприкосновение с их предполагаемой базой и подкреплениями. Этот ошибочный план ослабил мощь армии. Немцы продвигались к северо-западу, а мы — к югу.

Наше превосходство в постановке информации было основной причиной поражения Клука и дало возможность второй армии избежать окружения.

Поняв свою ошибку, Крук сделал поворот, пошел за отступавшими англичанами и пришел на два дня позднее срока. Он, очевидно, находился под впечатлением, что с нами как с военной силой можно не считаться. Удвоив усилия, он пересек наш фронт и поставил себе основной целью уничтожение левого фланга продолжающей отступать французской армии.

Но союзная контрразведка не дремала. Постоянно над немецкими полками наш авиационный отряд безустали нес разведывательную службу. Когда Клок пошел к юго-востоку, об этом было немедленно сообщено.

До того времени считалось, что немцы стремятся к прямой лобовой атаке на французскую столицу. Теперь их намерения стали выясняться.

Париж и Британская армия были в военном отношении ничтожными величинами. Направляясь к юго-востоку, высшее германское командование решило крепко сжать все французские силы между Верденом и Парижем и гнать их к швейцарской границе.

Один разведчик из германской гвардейской кавалерийской дивизии, мчась на мощной машине, врезался в патруль 310-го французского пехотного полка. Разведчика расстреляли. Среди найденных бумаг имелись важные документы. Но наиболее конкретным доказательством изменения планов Клука являлась запачканная в крови парусиновая карта, на которой карандашом было обозначено изменение всей юго-восточной германской линии.

Кроме того, французская контрразведка имела германский секретный шифр для радиопередач. Ночью и днем она перехватывала радиogramмы и расшифровывала германские секретные сообщения. На Эйфелевой башне в Париже отряд офицеров проводил бессонные ночи, расшифровывая коды, которые вибрировали в эфире. Германское верховное командование не знало о том, что его чрезвычайно важная информация попадает в руки контрразведки.

Скоро стало известно, что Клок собирается повернуть свой фланг к Парижу и что между обеими германскими армиями имеется громадная брешь. Командование намеревалось в подходящий момент бросить французскую армию в эту брешь, а британскую армию — на фланг Клука.

Нет надобности рассказывать об исходе этого маневра; он хорошо известен всем. 5 сентября все французские армии, британская армия и резервы между Верденом и Парижем повернулись лицом к своим преследователям и ударили на них со всей своей силой. Яростное сражение продолжалось до 14 сентября, когда немцы были отброшены за реку Эн.

Организатор этого разгрома Жоффр говорил начальнику своей контрразведки:

«Дайте мне точную информацию о неприятеле, не пренебрегая мельчайшими подробностями. Я и мои солдаты доделаем остальное».

ГЛАВА IV

КАК Я В ПЕРВЫЙ РАЗ ПОЙМАЛ РАЗВЕДЧИКА

В течение первых дней войны 1914 года работа сотрудников контрразведки была далеко не легкой. Неприятель успел создать сеть шпионажа позади наших линий, когда уходил перед нашими войсками.

После марнского отступления германские разведчики отыскивали подходящих лиц в деревнях или в разрушенных городах и прощупывали их насчет возможности подкупа для получения информации.

К счастью, немцам нельзя было похвалиться удачей. Многие французские крестьяне делали вид, что соглашались на предложения немцев, но как только они уходили, тут же уведомили французские или английские власти о предложениях, которые были им сделаны. В этом отношении контрразведки обеих союзных армий имели очень ценную информацию и могли принять контрмеры против немцев, которые и не подозревали этой «двойной игры».

Но были все же и изменники. Я вспоминаю, например, Полудора Дебакера, который работал для врага. Этот человек был подкуплен германским военным разведчиком. Задание предателю состояло в том, чтобы перерезать провода нашего полевого телеграфа и телефона в различных стратегических пунктах. Эту диверсию намечалось совершить по заранее условленному сигналу, который должен был подаваться с неприятельского самолета.

В условленный час самолет летал над тем местом, где жил Дебакер, и бросал маленькую дымовую бомбу. Это служило шпиону сигналом о том, что предпринимается бомбардировка или атака. Тогда он перерезал наши провода, прерывая связь, что на время дезорганизовывало управление боем. Дебакер выходил украдкой, с наступлением сумерек, и с помощью щипцов перерезал провода в каком-нибудь уединенном пункте деревни. В дневные же часы он работал на виду у всех на полях.

В течение почти трех недель связь неизменно прерывалась в самые критические минуты. Было ясно, что тут орудовал шпион, причем шпион смелый. Но территория была большая, и трудно было проверить все ее население. Каждый раз провода оказывались перерезанными в стратегических пунктах, удаленных на целые мили от фронта.

Один способный молодой офицер получил задание поймать

шпиона и положить конец диверсии, которая так дорого обошлась нашим солдатам.

Однажды, обходя деревни позади наших линий, он заметил впереди штатского. Было почти совсем темно, и, согласно существовавшим правилам, все невоенное население должно было быть дома. Полагая, что этот человек, возможно, ходил навестить приятеля и возвращается домой, офицер решил наблюдать за ним просто из любопытства, свойственного работнику контрразведки. Укрываясь в тени разрушенного здания, он увидел, что человек останавливался приблизительно через каждые 50 шагов и украдкой озирался, словно опасаясь, что за ним следят. Тогда у офицера возникло уже определенное подозрение.

Вдруг офицер заметил, что он остался один. Человек, который был впереди, исчез, как будто его проглотила земля. В течение одной или двух минут разведчик терялся в догадках. Куда же девался этот таинственный крестьянин? Впереди не было видно ни одного дома, ничего, кроме чистого поля. Случайно темноту прорезал прожектор, направляемый далеко с линии фронта, и внезапное исчезновение крестьянина стало понятным: подозрительный человек вскарабкался на телеграфный столб. Офицер прицелился в изумленного шпиона. Последний, понимая, что сопротивление бесполезно, отдал свое оружие и покорно пошел в деревню.

На суде шпион во всем признался и рассказал историю своего предательства. Он дал исчерпывающую информацию о своих германских хозяевах, полагая, вероятно, что таким образом спасет жизнь. Но это было бесполезно. Суд признал его виновным без смягчающих вину обстоятельств, и он был расстрелян.

Мне хочется думать, что я был первым рядовым солдатом, который стал сотрудником британской военной контрразведки. Рискованные приключения и требования абсолютной тайны разбудили во мне склонности агента, и я приступил к исполнению своих обязанностей.

Однако не все было в этом деле романтично. Работа разведки имеет и свою укоренившуюся рутину, но эта рутинна жизненно необходима для успеха дела.

Я должен был всегда следить за таинственными световыми сигналами, проверять данные относительно этих сигналов, беспрестанно наблюдать за подозрительными личностями и за шпионами в военной форме. Надо было наблюдать за бельгийскими и французскими рабочими, которые работали за

линией огня. Кроме того, нужно было производить расследование дел о дезертирах для помощника начальника военной полиции, проверять документы всех штатских и т. д.

Наблюдение за штатскими, работавшими позади линий, в нашем секторе не представляло трудностей. Правда, были отдельные случаи подозрений, но по расследовании подозрения всегда оказывались беспочвенными.

Дежурный офицер должен был находиться на своем посту в любой час дня и ночи, либо наблюдая за своими подчиненными, либо занимаясь в полуразвалившейся хибарке решением своих многочисленных задач. Офицер, которого я отчетливо помню, испытывал все неудобства жизни в жалком деревянном бараке, тогда как в частной жизни он был архимиллионером — Джемсом Ротшильдом.

Около деревни Флербе я выслеживал на некоторых перекрестках одного дезертира, который должен был находиться в окрестности. В томительном ожидании проходили долгие часы.

В течение двух вечеров, будучи дежурным, я видел старую крестьянку, которая, прихрамывая, проходила всегда до наступления сумерек. Старуха неизменно ходила к разрушенной церкви на окраине деревни и всегда имела с собой маленькую корзину. На третий вечер она снова проковыляла мимо меня, и мне это показалось подозрительным.

На четвертый вечер, оставаясь невидимым, я стал наблюдать за этой старой женщиной, которая прошла в тот же час и в том же направлении. Это укрепило мое подозрение, и я, вместе с сержантом и двумя солдатами решил следить за нею. Она надвинула свою шаль плотно на голову и несколько минут спустя после семи часов вошла в поврежденную снарядами церковную дверь. Затем направилась к другой двери, ведущей к башне, и начала осторожно подниматься по развалившимся лестницам. Я следовал за ней чрезвычайно осторожно, стараясь не производить ни малейшего шума, но доски все же поскрипывали. Женщина остановилась на верху башни. Я был поражен, увидев, что развалившееся помещение в башенке занимал человек, одетый в форму английского сержанта.

В тот момент, когда она передавала этому человеку продукты, я вынул свой кольт и направил его на обитателей башни. Это было несколько рискованно, так как могло быть, что обнаруженный мною человек был действительно британским военнослужащим, которому было поручено провести специ-

альное наблюдение. Я рискнул. Человек посмотрел на меня с презрением и спросил, не сошел ли я с ума.

Я инстинктивно чувствовал, что этот человек пытается втереть мне очки. На войне как на войне! Лучше честно ошибиться, чем дать ускользнуть шпиону.

Я сообщил офицеру о своих обязанностях и попросил предъявить документ о его полномочиях. Он хладнокровно расстегнул карман и вытащил оттуда бумажник.

— Ладно, — сказал он. — Что вам угодно?

И стал вынимать из бумажника различные документы. Это еще более усилило мои подозрения. Я ничего не сказал и проверил документы, которые оказались в порядке и, видимо, были настоящие. Он заявил, что он лейтенант, прикрепленный к одной батарее.

Сержант и оба солдата ждали на ступеньках колокольни. Я немедленно их позвал и попросил сержанта поручить одному из своих подчиненных привести из указанной батареи командира.

Тогда подозрительный человек пожал плечами и сказал с мрачной улыбкой:

— Да, вам здорово повезло. Через шесть часов я был бы уже за линией фронта.

Я узнал, что он скрывается десять дней, в течение которых поддерживал непрерывную связь с неприятелем посредством полевого телефонного аппарата, который немцы умышленно оставили позади у разрушенной колокольни, во время своего отступления.

Старая крестьянка, — я в этом окончательно убедился, — действовала вполне чистосердечно. Она приняла этого человека за того, кем он ей отрекомендовался, т. е. за английского офицера, и думала, что делает хорошее дело, принося пищу в его уединенное убежище.

На следующий день его привели в главный штаб на допрос. Я не имею точных сведений о его дальнейшей судьбе. Мельком видел я его в последний раз, когда он уезжал в сопровождении двух высших офицеров. Когда автомобиль тронулся, его злобные глаза встретились с моими и в них промелькнуло выражение насмешки.

ГЛАВА V

РАЗВЕДЧИК СО ШРАМОМ НА ЛИЦЕ

За время моего пребывания на действительной службе в британской контрразведке я видел немало странных вещей, знал о многих удивительных подвигах, служил под начальством многих выдающихся людей, исполнял всевозможные роли и прибегал ко всякого рода хитростям для того, чтобы бороться с неприятельским шпионажем. Но мне кажется, что из всех подвигов, которые были совершены на этой войне и которые дошли до моего сведения, самым искусным и самым смелым был подвиг, совершенный одним неприятельским разведчиком в начале весны 1916 года у реки Соммы.

Тайна была паролем дня. Штаб 4-й армии неустанно следил за сохранением тайны. Однако, несмотря на все меры предосторожности, союзная контрразведка заметила, что какими-то путями информация просачивается в неприятельский лагерь.

Недалеко от главного штаба армии находился крупный город Амьен.

Союзный контроль над шоссейными и железными дорогами был очень строг. Все движения приезжающих и уезжающих из военной зоны штатских были известны.

Французская контрразведка предостерегала британскую армию в Амьене, что дерзкий разведчик работает в тылу наших линий.

Однажды произошел взрыв больших складов, причем было убито несколько человек. Производство взрыва приписывали одному разведчику, носившему форму офицера-артиллериста французской армии. Согласно имевшимся данным, он был ростом 5 футов 10 дюймов. Длинный рубец, начинавшийся у глаз, проходил по левой стороне лица до рта.

Приблизительно неделю спустя произошел крупный взрыв на рельсовом пути около Мерикурского железнодорожного узла. К счастью, английский поезд, перевозивший солдат, прошел на час позже, иначе число жертв было бы ужасающим. Расследованием было установлено, что взрыв был произведен бомбой с часовым механизмом.

Потом, в течение нескольких дней, некоторые из наших тяжелых орудий, размещенных в секретных местах и тщательно скрытых позади линии неприятельского артиллерийского огня, подвергались непрерывному обстрелу со стороны германских дальнобойных пушек и налетам германских бомбардировщиков.

Было ясно, что если орудующий среди нас разведчик не будет в кратчайший срок пойман, то это будет стоить на многих человеческих жизней. К тому времени в результате его деятельности уже погибло 30 человек.

Из Амьена были получены сведения о том, что высоког роста офицер в чине майора, носивший английскую форму, имевший длинный рубец на лице, посещал гостиницы и кафе Амьена.

Расследование установило, что он болтал со многими из наших военных, которые по своему поразительному простодушию, несомненно, давали ему ценную информацию. Французская и наша собственная контрразведки принялись разыскивать человека с рубцом, но безуспешно. Тогда мне было поручено переодеться в штатское платье и попытаться незаметно его среди гражданского населения в Амьене.

В течение многих дней я посещал кафе, гостиницы, железнодорожные станции и все места, где собиралась публика, но несмотря на все мои старания, я не нашел никакого следа опасного шпиона.

Я уже хотел отказаться от надежды найти этого разведчика в Амьене. Но тут я встретил одного француза в городской думе и рассказал ему о своей неудаче.

— Вы сказали, что у него рубец на лице? — внезапно спросил он меня. — У меня есть золотка, которая имеет ферму около Вилье-Бретоно. У нее живет один английский майор. Я там был в воскресенье и видел его в течение одной минуты. У него длинный белый рубец на лице. Вообще-то я его считал вполне порядочным человеком.

Он мне рассказал, где расположена ферма его золотки. Предупредив француза о том, что все это нужно держать тайне, я его тут же покинул и пошел к себе в гостиницу.

Переодевшись в военную форму и захватив свой переносной электрический фонарь и револьвер, я на мотоцикле поехал на ферму. Здесь меня поразила какая-то атмосфера замкнутости и изолированности. «Майор» создал себе спокойное убежище как базу для своих операций. Поставив машину, очень осторожно пополз к задней части маленького полуразрушенного дома.

Около 5 минут я простоял у фермы, изучая ее расположение. За фермой тянулось большое поле; на расстоянии приблизительно полумили находился аэродром.

Я постучал в заднюю дверь. Мне открыла женщина, типичная французская крестьянка. У нее было честное, открытое лицо, от которого веяло деревенской простотой. Я ту

же решил, что если даже под этой крышей живет опасный разведчик, то хозяйку никоим образом нельзя обвинить в соучастии.

Ее рассказ подтвердил мою мысленную оценку ее характера. Да, «майор» здесь жил уже 4—5 недель. Она не знала его фамилии. Он был очень хороший человек. Он ей говорил, что прикреплен к контрразведке английской армии и что является офицером связи между британской и французской армиями. Она его мало видит, так как он приходит домой поздно ночью и уходит очень рано.

Я попросил ее описать мне постояльца.

— Он очень высокого роста, — сообщила хозяйка фермы. — На левой стороне лица у него длинный белый рубец, за

ед раны, полученной в 1914 году во время Марнской битвы. Где теперь его найти? Она не могла мне этого сказать, так как два дня назад он улетел на самолете.

— Вернулся ли он сюда с аэродрома?

— О, нет, господин! Два раза за ним прилетал самолет по вечерам с наступлением сумерек.

— Где комната «майора»?

Она повернулась и указала на маленькую комнату, расположенную за довольно большой кухней. Я вошел. Комната была простая и очень скромно обставленная. Вся мебель состояла из двух стульев, стола, комода и маленькой кровати. Я искал личных вещей обитателя комнаты, чего-нибудь, хотя бы и незначительного, что могло бы дать мне нить к выявлению личности «майора». Но он был ловок, осторожен и не оставил в комнате даже куска мыла.

Я тут же помчался в штаб контрразведки, где моей информации придали большое значение.

— Наконец, — сказал мой начальник, — мы знаем, с кем имеем дело. До сих пор мы все ходили ощупью, в темноте. Кто бы он ни был, — это смельчак. Это воздушный разведчик. Его спускают на самолете и по какому-то сигналу снова поднимают. Это нам объясняет, почему он раньше щеголял во французской форме. Довольно говорить о его таинственных появлениях и исчезновениях. Очевидно, он поочередно посещает то французов, то англичан. Будем надеяться, что он поплатится за следующий визит.

Через несколько часов я снова был у фермы вместе со своим французским коллегой. Мы устроились, как могли, и стали ждать.

Мы дежурили поочередно ночью, ожидая прибытия воздушного разведчика, и на третий день на рассвете были возна-

граждены за свое терпение. Самолет жужжал над нами. К нашему удивлению, он не приземлялся, а два раза описал круг и улетел. Почему?

Было слишком темно, чтобы что-нибудь заметить на таком большом расстоянии. Поэтому мы ждали в темноте, держа свои револьверы наготове. В таком ожидании мы провели около получаса, а когда стало рассветать, вышли искать разрешения наших сомнений.

На расстоянии приблизительно мили от фермы мы заметили, что на земле лежит какая-то беспорядочная куча, нечто вроде изодранной палатки.

Тайна была раскрыта.

Это был парашют, который не раскрылся и к которому было привязано человеческое тело. Человек лежал на спине. Глаза его были открыты. Шея переломана. Человек был мертв. Он был высокого роста, одет в форму английского майора, и на левой стороне его лица виднелся длинный белый шрам. Это был последний полет германского разведчика с рубцом на лице.

* * *

По распоряжению британской контрразведки я был в свое время прикреплен для «особых поручений» к французским, бельгийским и американским властям. Я находился в распоряжении контрразведки при генеральном штабе.

Я вспоминаю случай в Гавре, где французская контрразведка заподозрила в шпионаже одну красивую бельгийскую беженку, которая работала официанткой в чайной, посещаемой американскими, колониальными и британскими солдатами.

Это дело было поручено мне.

Бельгийка была взята под подозрение после анонимного письма, написанного по-французски и адресованного в местную полицейскую префектуру. В письме указывалось, что «женщина, работающая в чайной, посещаемой англичанами, говорит по-английски. Она бельгийка и задает английским солдатам вопросы важного характера».

Нужно было проверить и расследовать это сообщение. Переодевшись пехотным сержантом, я стал заходить в чайную для послеобеденного чаепития.

Официантка была приятной и живой особой, лет двадцати двух, с большими темноглубыми глазами, которыми она умела пользоваться для привлечения внимания мужчин. Кокетливая девушка недурно говорила по-английски, что создало

ей популярность среди английских солдат. Она вскоре узнала меня, как завсегдатая; у нас завязалась дружба.

Я никогда не слышал, чтобы молодая женщина задавала солдатам вопросы подозрительного характера.

Меня заинтересовало частое присутствие в чайной одного штатского. Он был молчалив и необщителен, но всегда держался настороже, словно подслушивал разговоры посетителей военных. Я его видел раз шесть в течение трех недель.

Однажды вечером я решил проследить за молчаливым господином. Когда он уходил из чайной, я выскользнул за ним и проследил его до одного дома.

Открыв местожительство незнакомца, я продолжал посещать чайную, где встретил его еще два-три раза. При этом я обратил внимание на то, что девушка тщательно его избегает. Она как будто боялась этого человека, и это еще более усилило мое любопытство.

Между тем французская контрразведка установила, что выслеживаемый мною человек — швейцарец.

Какую цель преследовал этот швейцарский подданный, регулярно просиживая вечера в чайной, которую посещали преимущественно солдаты? В городе было много других кафе. Швейцарец по-английски не говорил. Да и чай не является национальным напитком швейцарцев.

Французы решили допросить официантку-бельгийку. Она заявила, что анонимное письмо о ней было написано, как это ни странно, ею самою. Она сочла нужным обратить наше внимание на ее положение. Она никому не доверяет, так как напугана человеком, который регулярно посещает чайную. Этот человек был, по ее словам, немцем, а не швейцарцем, — он только приехал через Швейцарию месяца два тому назад. Он сказал девушке, что ему известно, где скрывается ее брат в Бельгии. Если он раскроет его местопребывание, не миновать смерти ни брату, ни тем, кто его укрывает. А укрывали брата отец и мать ее мужа, который служит в бельгийской армии. Шпион заявил дальше, что если она не будет сообщать всего того, что слышит среди английских солдат, то он выдаст ее брата германской разведке в Брюсселе. И ей лично он угрожал смертью, если она его выдаст.

Мы действовали, видимо, недостаточно быстро. Мнимый швейцарец исчез.

Развязка этой истории наступила три месяца спустя в столице Франции.

Я работал совместно с французской тайной полицией по одному делу о шпионаже, не имеющему никакого отношения

к случаю в Гавре. Я выполнил свое задание и сидел с одним французским коллегой на бульваре в известном интернациональном кафе Вебера.

В пестрой многонациональной толпе, которая проходила мимо нас, мое внимание было внезапно привлечено двумя пассажирами: мужчиной и красивой женщиной, вышедшими из такси. Женщина меня не интересовала, мое внимание было всецело поглощено мужчиной. Казалось невероятным, но предомыслим был не кто иной, как тот разведчик, который ускользнул из рук нашей союзной контрразведки в Гавре каких-нибудь три месяца назад. Шпион и его спутница вошли в кафе.

Выражение моего лица было, очевидно, очень красноречивым, так как мой французский коллега встревоженно спросил:

— Что с вами?

Я ему рассказал о причине своего волнения.

— Какое счастье! — изумился он. — Я остаюсь, чтобы помочь вам. Будьте на страже, они от нас не уйдут.

Через 10 минут я посмотрел вокруг себя на весело разговаривающие группы за столиками. Среди усаживавшихся в кресла то здесь, то там посетителей я насчитал трех работников французской разведки. Все они имели при себе огнестрельное оружие и были хорошими стрелками.

Мы ждали свыше двух часов. Наконец, сигнал был дан. Разведчик и его спутница собирались уходить. Когда они вышли из кафе и медленно направились к площади Мадлен, мой коллега и я тесно подошли к ним с обеих сторон. Следившие за ходом дела французы немедленно сделали то же самое.

Это не был сенсационный арест. Это была группа «неожиданно» встретившихся людей. Однако эта встреча была последним салютом двум из наиболее опасных разведчиков, которые когда-либо работали против союзников.

Арестованный оказался немцем, по фамилии Андрэ Потэн, он же Отто Ведербург, он же Густав Рихофен. Шпион имел еще много других ложных имен, но под этими тремя был наиболее известен.

Это был двойной успех, потому что женщина оказалась знаменитой Маргаритой Франсиляр, о которой я буду говорить в одной из следующих глав.

Оба разведчика были уличены в шпионаже и после суда расстреляны.

ГЛАВА VI

ШПИОНАЖ В МОРСКИХ ПОРТАХ

Портовые документы Англии и Франции содержат очень много данных об успехах немецких разведчиков в морском шпионаже. В обеих странах было зарегистрировано много случаев катастрофической гибели боевых судов, но никогда не будет установлено достоверно, являлись ли эти случаи делом рук неприятельских агентов или же они должны быть приписаны стечению обстоятельств.

В Соединенных Штатах Америки, до их вступления в мировую войну, германскими шпионами было совершено несколько диверсий. В одном крупном морском порту произошел взрыв, стоивший жизни многим сотням людей. Делалась попытка взорвать «Левиэтан», но заговор был раскрыт американской тайной полицией.

Две страшные морские катастрофы произошли в Англии, одна в Дувре, другая в Инвергордонском порту. Во втором случае был взорван корабль «Нетэль». Во время взрыва погибло свыше 400 человек.

Шпионаж свирепствовал в нейтральных портах Европы и вдоль средиземноморского побережья, где британские транспортные корабли находились под постоянным наблюдением неприятельских подводных лодок, получавших шпионские сведения по радио.

О значении этого вида шпионажа говорит история военного транспорта «Лиззоу Кэстль», перевозившего войска и погибшего в Средиземном море.

Эти факты мне были сообщены Хэлом, бывшим капитаном королевских гусаров.

«Мы покинули Александрийский порт, — рассказывал он, — имея на борту 3 500 солдат. Наш рейс сохранялся в строжайшей тайне.

Вечером, около 11 часов, на нас напала подводная лодка. Я был в числе 350 человек, которым удалось спастись. Среди спасенных был также один кавалерист из добровольческого полка. Этот человек дважды спасался с кораблей, потопленных германскими подводными лодками. Оба эти корабля выходили в рейс из одного и того же порта.

Некоторое время спустя наша контрразведка арестовала одного грека, у которого нашли радиопередатчик, установленный в верфи около Александрии. Шпион сознался, что свыше 10 месяцев он посылал по радио сообщения одной подводной

лодке на Средиземном море. Этим и объяснялся успех немецких подводников.

Вскоре после ареста шпиона наше адмиралтейство отправило фиктивное сообщение, исходящее будто бы от этого грека и извещающее о выходе военного транспортного судна. Вместо транспорта было послано вооруженное судно, прекрасно замаскированное.

Почти одновременно с английским караблем в указанной долготе и широте появилась подводная лодка, всплывшая на поверхность. Шесть точно направленных залпов положили конец карьере этой зловещей подводной лодки.

Неудача Дарданельской кампании объясняется, несомненно, деятельностью агентов германской разведки. Наши приготовления отмечались в Египте и других местах задолго вперед. Германская военная миссия в Константинополе знала, что англичане собираются высадить десант у Дарданелл. Это позволило туркам и их немецким советникам своевременно укрепить полуостров, а также минировать пролив.

Испания была рассадником шпионажа. То же самое можно сказать и о Голландии. Мне кажется, что нельзя привести лучшего примера для иллюстрации портового шпионажа, чем случай со злосчастливым англичанином, капитаном Чарльзом Фрайэттом.

Когда разразилась война, Фрайэтт плавал в качестве капитана на «Брессель».

Фрайэтт был на учете у германской разведки, которая видела в нем достойного противника.

Подводная война причиняла Фрайэтту беспокойство. Ведь он был капитаном британского торгового флота, и безопасность его пассажиров, его экипажа и судна являлась предметом его первой и естественной заботы. Но капитан не боялся немцев. Чувство страха было ему неведомо.

Нет никакого сомнения в том, что капитан Фрайэтт в таких именно выражениях высказывался в Роттердаме, может быть, в присутствии вражеских ушей. Во всяком случае его вызывающем поведении немецкие шпионы были осведомлены.

Первый раз судно Фрайэтта подверглось нападению германской подводной лодки 2 марта 1915 года. Отойдя от английских берегов и пройдя три четверти пути, судно было замечено неприятельской подводной лодкой U-33.

Капитан Фрайэтт отдал распоряжение: «Полный ход вперед». Через некоторое время преследуемый корабль был опознан неприятелем, но в конце концов Фрайэтт все же по-

сигнал германского пирата и стремительно поплыл к голландскому порту Роттердам, куда благополучно добрался.

Между тем, лодка U-33 известила германских агентов в Роттердаме, что «Брессель» бросил ей вызов. 28 марта командиру пиратской подводной лодки более чем повезло. Он потопил без предупреждения пароход «Фалаба», где погибло 104 человека, в том числе женщины и дети. «Брессель» на время был оставлен в покое. Но однажды та же подводная лодка снова попыталась потопить судно Фрайэтта.

«Брессель» получил с подводной лодки сигнал остановиться. Что произошло дальше, об этом точных сведений нет. Известно только, что, случайно или намеренно, но «Брессель» ударил подводную лодку.

Оставшиеся в живых немецкие подводники вернулись в Голландию и сообщили о катастрофе. С тех пор участь капитана Фрайэтта была решена.

Германская разведка принялась за ним охотиться. Она, повидавшему, поручила какому-нибудь шпиону сделаться непременно пассажиром «Брессель», когда Фрайэтт плывал на этом судне.

23 июня 1916 года «Брессель» в очередном рейсе наткнулся около Зеебрюгге на германскую флотилию миноносцев, которая его захватила как военную добычу.

«Большая восточная железнодорожная компания» выпустила книжку, в которой об этом эпизоде говорится следующее: «Среди пассажиров на борту «Брессель» был один очень подозрительный человек, к которому немцы проявили много уважения». Комментарии излишни. Ясно, что это был агент германской разведки, которому было поручено выслеживать капитана.

Такой человек, как Фрайэтт, был опасен для немцев, делавших в морской войне ставку на устрашение. Они рассуждали, что если нейтральные государства — Голландия или Скандинавские страны — узнают, что один капитан из Британского торгового флота вступил в дерзкое единоборство с германской подводной лодкой, то это будет уроном для престижа германского флота.

16 июля 1916 года капитан Фрайэтт предстал перед военно-морским судом в Брюгге по обвинению в том, что «сделал попытку стрелять в лодку U-33 около пловучего маяка». Фрайэтт отвергал это обвинение; свидетели, бывшие пассажирами «Брессель», клялись, что это было делом случая. Но германцы Фрайэтта живым теперь не выпустили.

КАК МОЙ ДРУГ „КАПИТАН“ СОДЕЙСТВОВАЛ РАЗГРОМУ ГЕРМАНСКОЙ ТИХООКЕАНСКОЙ ЭСКАДРЫ

Лучше всего соблюдавшейся тайной в Германии был ее союз с Турцией. Если бы союзники своевременно узнали об этой «дружбе», история Дарданелл выглядела бы совсем по-иному.

Незадолго до начала войны британские судостроительные верфи начали постройку военных кораблей для иностранных государств, в том числе и два бронированных крейсера для Турции. Один из них — «Решадие», который строился на тайнских верфях Армстронга, к началу войны был уже совсем готов, а постройка другого близилась к концу.

«Решадие» доставил особенно много хлопот. К началу мировой войны турецкий экипаж численностью свыше 500 человек уже прибыл в Англию и готовился приступить к службе на «Решадие». Временно турецкие моряки жили на одном из пароходов на Тайне. Было очень опасно допустить, чтобы экипаж вступил на «Решадие», так как пришлось бы преодолеть недовольство рабочих Армстронга.

По распоряжению морского министра, переданному через морскую разведку и тайную полицию, на судне был поставлен военный отряд, которому было приказано не допускать на корабль ни одного человека из турецкого экипажа.

Уинстон Черчилль говорит: «Меня часто упрекали в том, что реквизиция этих судов была будто бы одной из причин, приведших три месяца спустя Турцию к войне».

Никакой англичанин не станет отрицать, что морский министр в тот критический момент истории поступил правильно. Германия, повидимому, знала, что постройка турецких судов близится к концу и намечала присоединить их к «Бреслау» и «Гебену» в Средиземном море. Но это ей не удалось.

Германская военная контрразведка держала в абсолютной тайне союз Германии с Турцией. Англия знала об этом союзе, но чтобы не нарушить международных законов и нейтралитета, позволила «Гебену» и «Бреслау» выйти в море.

Тем временем германский вице-адмирал Сушон со своим флотом держался близ нейтральных вод Италии и Австрии, находясь все время под строгим надзором британской морской контрразведки, хотя мы с Германией еще и не воевали.

Следует напомнить, что срок нашего ультиматума Германии в то время еще не истек. До 12 часов ночи 4 августа «Гебен» и «Бреслау» нельзя было ни атаковать, ни потопить.

Фактически ни «Гебен», ни «Бреслау» не имели намерения нападать на французские транспорты. Они со всей скоростью своих мощных машин держали курс на Константинополь.

«Гебен» и «Бреслау» — последнее слово военного кораблестроения по скорости и по оборудованию — выскользнули из наших рук.

Ответственность за эту ошибку несет разведка министерства иностранных дел. Она должна была раскрыть германские планы и передать их британскому флоту.

Дарданельская конвенция, которая закрывала пролив для военных кораблей, давала Англии непредвиденную возможность разрушить сплетения золота и интриг, которые связывали турецкое правительство с германским. Все находившиеся в Константинополе англичане ждали, что более сильная и быстроходная британская эскадра появится около турецкой столицы и потребует сдачи или уничтожения германских судов — нарушителей конвенции. Если бы имелось на то разрешение британского министерства иностранных дел, можно было бы преследовать «Гебен» и «Бреслау» до Константинополя и потопить их.

К началу войны в Южной Америке работал искусный британский разведчик, успехи которого сыграли крупную роль в исходе фалкландского сражения. Я его назову «Капитаном».

Во время катастрофического для нас Коронельского сражения погибло около 1 200 человек из экипажей английских судов. Адмирал Кредок имел перед собой мощные корабли германского флота, во главе которых стоял адмирал Шпе. Благодаря этой победе Шпе стал хозяином морских путей от Панамы до мыса Горн. И это случилось в такое время, когда безопасность торговых путей к Дальнему Востоку была для Англии источником серьезнейшего беспокойства.

«Капитан» быстро оценил опасность, которая угрожала британскому флоту и ему самому лично. В то время в Южной Америке существовала широкая сеть шпионажа, и «Капитан» отразил не одно покушение на его жизнь. В него стреляли однажды в Монтевидео, потом он подвергся нападению в одном кафе в Вальпарайзо.

3 ноября 1914 года «Капитан» получил следующее шифрованное сообщение: «Следи за движением угольщиков. Дай знать заинтересованным».

Действуя на основании этих инструкций, «Капитан» установил, что два германских угольщика, «Амансис» и «Сьерра дель Кордова», прибыли к тихоокеанскому побережью Южной Америки с большим грузом угля и что оба они были связаны каким-то тайным свиданием. Он также узнал, что германские разведчики послали радиogramму Шпе, извещающая его о том, что на Фалкланде никого нет.

Уголь! Ведь только в результате получения угля адмирал Шпе мог благополучно уйти после Коронельского сражения.

Адмирал Тирпиц, германский морской министр, пишет в «Моиx записках»: «После Коронеля от Шпе больше ничего не ожидали. Его главная задача состояла в том, чтобы без сражения привести обратно свои корабли и таким образом поддержать на недостижимой высоте престиж, приобретенный в Коронеле».

Шпе был человеком храбрым и деятельным. Он хотел нанести еще один удар врагу, раньше чем отвести домой по безопасному пути свой победоносный флот. С этой целью он отклонился к Фалкландским островам, которые находились в 200 милях от него.

В то время немецкая эскадра находилась около острова Пиктона у входа в Биглский канал. Один из крейсеров этой эскадры захватил британское торговое судно «Друммир», которое огибало мыс Горн, направляясь к североамериканскому порту с грузом угля. «Друммир» был захвачен, а его ценный груз выгружен в трюм «Дрездена». 6 декабря 1914 года вечером «Друммир» был выведен из территориальных вод и потоплен.

Эта удача приободрила Шпе в его замысле разрушить морскую базу, радиостанцию и взять в плен губернатора Фалкландских островов. Но в водной пустыне подстерегала его британская эскадра.

Нет никакого сомнения в том, что если бы германская разведка знала об отправлении в южную часть Атлантического океана мощных крейсеров, вооруженных 12-дюймовыми пушками, то Шпе не пошел бы на такое сражение. Он отдал бы распоряжение своей эскадре рассеяться, и на всех британских торговых путях были бы расставлены многочисленные опасные пиратские суда.

Уголь был камнем преткновения для германцев. Им приходилось брать уголь в Сен-Винсенте, на острове Кейп Верд, входящем в португальскую территорию, а также вдоль южноамериканского побережья, в бразильских территориальных водах.

Над этими двумя нейтральными странами — Португалией и Бразилией — Англия не имела никакого контроля. История Коронельской битвы была хорошо известна, и прибытие двух мощных английских судов вызвало значительное возбуждение. Только благодаря усиленной деятельности «Капитана» и других разведчиков в южноамериканской прессе не появилось сообщения о визите этих двух судов. Заметка была уже под печатным прессом и все же в газете не появилась, что свидетельствует об упорстве, с которым работала британская контрразведка.

После разгрома германской эскадры у Фалкландских островов «Дрезден» — один из наиболее скороходных крейсеров — сумел уйти от своих преследователей и, воспользовавшись ночной тьмой, исчез в южной части Атлантического океана. Радиogramмы, посланные угольщиками «Баден» и «Санта Изабелла», остались без ответа. Капитан «Дрездена» правильно предположил, что угольщики либо потоплены, либо захвачены в плен. Ввиду недостатка продовольствия, амуниции и угля, а главное из-за отсутствия всякой помощи со стороны морской контрразведки, он решил направиться к водам мыса Горн, в надежде найти там убежище и войти в контакт с агентами германской разведки.

Отчаянное положение «Дрездена» было видно из того, что ему во время этого рискованного плавания угрожала не меньшая опасность со стороны водной стихии, чем от преследователей. Особенно опасным местом был Кокбернский канал. Корабль медленно пробирался сквозь скалистые проходы, а в полдень бросал якорь в каком-либо никем не посещаемом месте. О дальнейшей судьбе «Дрездена» рассказывает «Капитан»:

«13-го днем я узнал, что «Дрезден» грузит уголь в Пунто Арена. Я тут же принялся за работу и радировал британским властям о местопребывании судна и о том, что я все время следил за его передвижениями. В тот же день около 8 часов вечера «Дрезден» исчез. Я не мог ничего больше сделать. На следующий день пополудни прибыл английский крейсер, но было уже поздно. Тогда я решил переключить внимание на германский угольщик «Амансис», который там находился с 6-го, нагруженный углем. Он тоже ускользнул!

Мне удалось узнать у мулатки, которая была знакома с одним немецким матросом, что «Амансис» ушел куда-то в Тихий океан. Оставалось сделать одно: уведомить власти и предложить отказать «Амансису», когда он вернется, в дальнейшей поставке угля. Это было сделано.

Недели через три, в январе, я стал усиленно собирать сведения о «Дрездене» и узнал, что он получил уголь от упомянутых выше двух угольщиков. В течение всего февраля я располагал точными сведениями о пребывании беглеца в разных портах и городах вдоль перуанского и чилийского побережий.

В том, что «Дрезден» находился где-то поблизости, я тогда был уверен.

Кроме того, имея нужный запас угля, он мог еще брать дань с британских коммерческих судов на торговых линиях. Я тут же вошел в контакт с властями, и крейсер «Кент», которому было поручено разыскивать «Дрезден» на юге, повернул и направился к северу. 8 марта он заметил «Дрезден» в 7—8 милях. Немецкий корабль увидел приближающийся британский крейсер. В течение всего полудня продолжалась погоня по водам Тихого океана. У «Кента» нехватило угля, и ему пришлось отказаться от погони. Он радировал своим коллегам, капитанам «Орама» и «Глазго», что наконец нашел «Дрезден», и повернул к Коронелю, чтобы пополнить запас угля.

Дни «Дрездена» были сочтены. Снова без угля, без продовольствия и амуниции, он направился по единственно возможному для него маршруту к острову Мас Афуера.

В тех местах не было никаких средств к тому, чтобы нейтрализовать или интернировать корабль. Надо было вывести «Дрезден» из строя. На расстоянии приблизительно одного километра при ясной погоде был дан залп со всех трех английских кораблей. «Дрезден» ответил двумя залпами, после чего мы увидели, что он весь обжат пламенем; его пушки замолкли.

Исчез кормовой флаг, и на его месте появился белый флаг — знак сдачи. Англичане прекратили стрельбу. Мы видели, как матросы покидали «Дрезден». Как только они достигли берега, раздался страшный взрыв. Когда облако дыма и пламени рассеялось, на том месте, где был «Дрезден», ничего не осталось. Капитан предпочел взорвать корабль, но не отдавать его врагу.

Таким образом погибло последнее судно тихоокеанской эскадры императорской Германии. Это был последний акт морской драмы.

ГЛАВА VIII

КАК БРИТАНСКАЯ РАЗВЕДКА ДОБЫЛА ЗНАМЕНИТОЕ ПИСЬМО ЦИММЕРМАНА

Наши приемные и передаточные радиостанции действовали образцово. Во многих случаях мы могли шаг за шагом проследить передвижения неприятельских эскадр, определяя с точностью местонахождение и путь их кораблей. Например, адмирал Шер, главнокомандующий германским флотом, самый крупный авторитет, на который я могу сослаться, пишет: «Англичане получали информацию через свои «направляющие станции», которыми они пользовались и которые были у нас введены лишь гораздо позже... Благодаря им, англичане имели крупное преимущество в ведении войны, так как могли получать почти исчерпывающую информацию о местонахождении врага».

Англия перехватывала и легко расшифровывала немецкие секретные радиogramмы. Не только Германия, но и весь мир был изумлен, когда впоследствии обнаружилось, что мы знали самые важные германские шифры — генштабов, генерал-губернаторов, посольств и миссий за границей и других, менее важных учреждений. Получение этой информации является триумфом военной разведки.

В конце февраля 1917 года, до вступления Америки в войну, телеграмма агентства Рейтер сообщила миру текст письма германского министра иностранных дел Циммермана германскому послу в Мексике Эггарду:

«С 1 февраля мы начинаем неограниченную подводную войну. Однако мы намерены сохранить нейтралитет Америки. Если наши усилия в этом направлении окончатся неудачей, то мы предложим союз Мексике на следующих условиях: мы будем воевать и заключать мир сообща; мы обеспечим финансовую поддержку и будем содействовать возвращению Мексике потерянных ею провинций — Нью-Мексико и Аризона. Подробности договора будут выработаны Вами. Позондируйте Карранцу в самой строгой интимной обстановке, и как только станет известно с достоверностью, что мы начинаем воевать с Америкой, укажите ему, чтобы он по своей собственной инициативе вошел в контакт с Японией, заручился ее сотрудничеством и предложил свое посредничество для переговоров между Японией и Германией. Обратите внимание Карранцы на тот факт, что переход к неограниченной подводной войне может заставить Англию броситься

нам в ноги и привести к миру в несколько месяцев. Циммерман».

Абсолютная достоверность этого письма была бесспорно установлена союзниками, после чего произошел ряд дипломатических запросов, объяснений и опровержений со стороны заинтересованных стран. Япония категорически отрицала всякое участие в этой комбинации; мексиканское правительство отвергло подобные обвинения с неменьшей силой. Оба государства подтвердили свою полнейшую верность союзникам.

Однако было ясно, что Германия приглашала Японию и Мексику вторгнуться своими армиями в США через Мексику по долине Миссисипи, разделив, таким образом, страну на две зоны военной агрессии.

Само собой разумеется, что появление этого письма в печати вызвало большую тревогу в США, и федеральное правительство приложило все свои усилия к тому, чтобы не втянули Америку в войну.

Как это случилось, — спрашивали в Рейхстаге, — что такое в высшей степени секретное письмо, переданное абсолютно секретным шифром, было украдено по пути и опубликовано? Циммерман не мог на это дать никакого ответа. Любопытно то, что провинившийся государственный деятель не указал, как было послано письмо. Догадался ли он, что его радиграмма была перехвачена?

Каким образом Англия добыла ключ к секретному шифру и тем самым вызвала такие крупные события в истории мировой войны?

Согласно германской версии, ловкий молодой австриец Александр Сцек, высококвалифицированный инженер-электрик и радиоэксперт, имел доступ к секретному шифру в силу своих исключительных технических познаний. Эту привилегию он разделял с некоторыми другими высокоответственными лицами. Помещение для радиопередач находилось в доме генерал-губернатора в Брюсселе. Отсюда передавались все государственные сообщения правительства, в том числе и письмо Циммермана.

Это письмо, вместо того чтобы быть посланным германскому послу в Мексике с курьером, было передано по радио мексиканской радиостанции и оттуда направлено германскому послу¹.

¹ О том, что наиболее важный код германского правительства попал в руки союзников, германцы узнали лишь после войны, по разоблачениям, появившимся в печати.

Установлено, что у Александра Сцека мать была англичанка. Немцы утверждают, что английская разведка поспешила этим воспользоваться для того, чтобы побудить молодого инженера изменить своему отечеству. Ему будто бы была предложена крупная сумма денег, он сделал копию с секретного шифра и с этой копией поехал в Англию. После того как он высадился в Англии, его больше никогда не видели.

Что шифр благополучно дошел до англичан, это было очевидно, так как с того времени союзники могли получать и расшифровывать государственные сообщения, посылаемые по всей Германской империи.

После исчезновения Александра Сцека его отец израсходовал крупные суммы денег на розыски сына. След вел из Бельгии в Англию и там исчезал.

Германия утверждает, что англичане были заинтересованы в том, чтобы заставить Сцека навеки замолчать. Если бы он продолжал жить, то мог бы в минуту слабости выболтать о своей измене отечеству. Сведения могли бы дойти до ушей германского правительства и тогда оно переменяло бы свой шифр, в секретности которого несколько не сомневалось. Физическое уничтожение Александра Сцека было единственным верным средством заставить его молчать.

Такова германская версия.

Что касается английской версии, то я предоставляю слово Уинстону Черчиллю, книга которого «Мировой кризис» по своему освещает этот вопрос.

«В начале сентября 1914 года легкий германский крейсер «Магдебург» потерпел крушение в Балтийском море. Несколько часов спустя тело одного утонувшего германского унтер-офицера было извлечено из воды русскими. У него за пазухой, сжатые окоченевшими руками, лежали книги шифров и сигналов германского флота и тщательно вычерченные карты Северного моря и Гельголандской бухты.

6 сентября меня посетил русский морской атташе. Он получил из Петрограда уведомление о находке шифров и о том, что русскому адмиралтейству удалось с помощью этих шифровых и сигнальных книг разобрать по меньшей мере отдельные места из морских германских радиogramм. Русские понимали, что британское адмиралтейство, представляющее ведущую морскую державу, имеет наибольшую надобность в этих книгах и документах. Мы немедленно послали корабли, и в один прекрасный октябрьский вечер князь Луи

и я получили из рук наших союзников эти драгоценные, окрашенные в цвет морской воды, документы.

Мы тут же создали организацию для изучения германских радиogramм и радиопередач после того, как шифр будет разобран. Во главе этой организации был поставлен Альфред Евинг, директор морской школы, который в этом деле, как и во многих других, оказал адмиралтейству неоценимые услуги. Работа оказалась чрезвычайно сложной, так как шифр, естественно, является лишь одним элементом среди ряда других средств, направленных к тому, чтобы обеспечить тайну радиопередач. Но мало-помалу в начале ноября нашим офицерам удалось уже перевести части различных германских морских радиogramм. Очевидно, что пока существовал этот источник информации, он был для нас чрезвычайно ценным».

Теперь я изложу другую, новую версию: я могу ручаться за достоверность следующего рассказа, так как был знаком с его главным действующим лицом.

В конце 1915 года один солдат французского иностранного легиона, которого я назову Смитом, вызвался охотником работать позади неприятельских линий. Его предложение приняли, и некоторое время спустя, когда способности разведчика полностью выявились, Смита перевели во французскую контрразведку.

В то время Брюссель кишел агентами германской тайной полиции. Один неправильный жест разведчика мог повлечь его неминуемое разоблачение и смерть. Сми́ту было поручено в такой обстановке попытаться раздобыть тайный шифр, которым пользовалась германская радиостанция в Брюсселе.

Это поручение было связано с величайшим риском, но бесстрашный молодой человек за него взялся. Имея при себе парашют, узел с одеждой и режущее оружие, он поднялся на самолете французского летчика и, когда машина находилась над окрестностями Брюсселя, выпрыгнул. Благодаря искусству летчика он благополучно приземлился на свекловичном поле. Под прикрытием темноты Смит спрятал свой парашют и, переодевшись бельгийским крестьянином, отправился в путь.

Он тщательно разработал свой план. В Брюсселе было кафе, арендуемое тремя бельгийскими патриотами: молодым беженцем из Антверпена, признанным по слабости здоровья негодным к военной службе, его сестрой и еще одной бельгийской девушкой.

Брат, квалифицированный электротехник, работал на близ-

лежащей фабрике, на которой он мог, ввиду недостатка рабочей силы, подыскать работу и Смит.

Смит был известен им как агент разведки, которого они могли выдать немцам в любую минуту. Но их лояльность была безупречна; они делали все, что могли, вплоть до того, что доставили ему подложные документы. Вскоре положение приобрело характер запутанной романтической истории. Между Смитом и одной из девушек завязался роман, и в то же время вторая девушка тоже влюбилась в молодого разведчика. Смит затеял большую игру, и когда представился случай, то не колебался использовать для своих целей ту девушку, которой не мог ответить взаимностью.

По счастливой случайности ему удалось узнать, что один германский унтер-офицер, посещавший кафе, работал оператором на радиостанции, шифр которой Смит должен был раскрыть, рискуя своей жизнью. Этот немец был безумно влюблен в одну из девушек, подругу той, которую любил французский разведчик.

Своей возлюбленной, которую мы назовем Марией, Смит сообщил план похищения шифра. Она должна была скрыть свою любовь к храброму разведчику и «разыграть» свою подругу Ивонну, побудив ее получить от своего немецкого поклонника копию секретного шифра.

Ивонна завоевала доверие молодого немца. Она и ее брат — большие любители радио. Она хотела бы, чтобы немец когда-нибудь рассказал о своей работе. Польщенный ее интересом, немец охотно ответил на все вопросы, которые ему поставила девушка и которые были, конечно, подготовлены Смитом. Прошли недели, и в конце концов ничего не подозревающий молодой оператор изложил всю шифровую систему; Смит записывал весь код по памяти, что представляло значительную трудность и тем самым увеличивало цену успеха.

Теперь осталась самая трудная часть его задачи. Надо было каким угодно путем лично доставить это драгоценное открытие своей контрразведке; он решил надеть германскую форму, сесть в воинский поезд, который стоял на линии, затем пересечь межокопную зону, рискуя быть застреленным, и «сдаться в плен» англичанам. Это был рискованный план, но его нужно было выполнить.

Мария достала полное германское обмундирование; брат добыл в ближайших казармах винтовку. Смит переоделся и отправился к немецким линиям.

Он убрался во-время. Как только он черным ходом ушел из кафе, трое агентов германской военной полиции вошли через парадную дверь и потребовали у всех находящихся в кафе документы. Частые посещения кафе молодым радиооператором вызвали подозрения полиции, его выследили и арестовали.

А наши заговорщики дрожали. Неужели молодой немец во всем сознался?

Наконец, прямой вопрос:

— Где человек, который только что был здесь?

На этот вопрос с необыкновенной находчивостью ответила Мария. Жизнь ее возлюбленного зависела, вероятно, от этих нескольких минут, которые она могла выиграть для него. Она бойко ответила, что человек, которого ищет полиция, был другом ее брата и возлюбленным ее подруги.

На остальные вопросы относительно его национальности и работы она отвечала уклончиво. Наконец, как бы запуганная германскими агентами, Мария сделала «признание»:

— Хорошо, если вы хотите знать, — сказала она, — то этот человек был дезертиром и удрал.

Об основных фактах немцы ничего не знали. Молодой оператор должен был признать свои частые визиты в кафе, так как за ним следили уже несколько недель. Однако последующие события показали, что хотя он и говорил кое-что властям, но о передаче девушке кода не сказал ничего.

Мария и Ивонна предстали перед германскими военными властями по обвинению в подозрительном поведении и в «укрывательстве дезертира».

После долгого и всестороннего расследования Ивонна была приговорена к долгосрочному тюремному заключению, а Мария была осуждена на более короткий срок.

Смит добрался до своей цели. Окольными путями, ежеминутно рискуя своей жизнью, он дошел до германских окопов, ночью перебрался через межокопную зону и, будучи еще в германской форме, сдался отряду канадцев.

Такова история письма Циммермана в трех противоречивых версиях о хищении секретного кода.